

Швейцарские учителя и гувернёры в Смоленской губернии в первой половине XIX века

Олег Козлов, Анастасия Тихонова

Современный интерес к истории обучения иностранными учителями российских дворян в первой половине XIX в. обусловлен актуальностью проблем межкультурной коммуникации в сфере образования¹. Среди иностранных учителей и гувернёров в российской провинции было немало выходцев из Швейцарии, которым позволяла найти работу востребованность там французского языка. К тому же уже на рубеже XVIII–XIX вв. в усадьбах многих богатых вельмож сложился своеобразный штат, включавший в себя преподавателей, воспитателей, компаньонов, управляющих, егерей, садовников и поваров, многие из которых были иностранцами. Например, в имении Дугино Сычёвского уезда Смоленской губ., принадлежавшем известному сановнику Никите Петровичу Панину, в январе 1814 г. проживали: домашняя учительница, подданная Швейцарии Мария Сестие; воспитатель, ганноверский уроженец И.Е. Фогель; дядька при сыне Н.П. Панина, швед Иван Рейс; егерь, австриец Иван Краутель с женой; садовник, англичанин Яков Манеель и камердинер, пруссак Фёдор Колбе².

Русские сановники часто брали на себя хлопоты по устройству в своих домах иностранцев, заслуживших их уважение за свою службу. Граф Н.П. Панин в письме смоленскому гражданскому губернатору барону К.И. Ашу писал о швейцарской учительнице Марии Сестие, проживавшей в его имении: «Г-жа Сестия, находящаяся при воспитании дочерей моих, принадлежит к числу тех несчастных, кои насильственно поработаны французскому правительству. Она родилась в бывшей Женевской республике... Я покорнейше и убедительнейше Вас прошу снабдить её паспортом на неограниченное время, буде возможно, в противном же случае хотя на один год с позволением переезда из одной губернии в другую при детях моих. Сие снисхождение тем менее кажется затруднительным, что г-жа Сестие честностью своею заслужила полную мою доверенность и что я охотно за неё поручаюсь, буде сие востребуется»³. Сама Сестие в прошении смоленскому губернатору указывала, что имела паспорт из Женевы 1804 г., «явленный и записанный в Риге и Москве», благодаря чему и получала билеты на жительство в России. «В 1813 году я бы исходатайствовала билет в упомянутом (московском. – *Авт.*) правлении, но оно ещё не было восстановлено», – поясняла она. К письму прилагалась копия свидетельства, подписанного директором училищ Московской губ. и двумя старшими учителями гимназии

© 2013 г. О.В. Козлов, А.В. Тихонова.

Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 12-01-00157.

¹ *Сергеева С.В.* Теория и практика частного образования в России (последняя четверть XVIII века – первая половина XIX века). Пенза, 2003; *Солодянкина О.Ю.* Иностранные гувернантки в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX века). М., 2007; *она же.* Феномен иностранного гувернёра в России (вторая половина XVIII–первая половина XIX в.) // Отечественная история. 2008. № 4. С. 9–23; *Трошина С.В.* Гувернёрство в домашнем образовании России первой половины XIX века. Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1995.

² Государственный архив Смоленской области (далее – ГА СО), ф. 1, оп. 1, д. 78, 1812 г., л. 44.

³ Там же, л. 47 об.

от 19 июля 1812 г., о том, что по результатам испытания во французском языке в Московской губернской гимназии «оказалось, что она знает означенный язык по правилам грамматическим»⁴. Впоследствии Мария Сестие выезжала на родину, но вновь возвращалась в Россию: согласно алфавитному списку Особной канцелярии Министерства полиции о прибывших в Россию иностранцах в 1817–1818 гг., она прибыла в Кронштадт с паспортом от поверенного в делах в Берне П.А. Крюднера 27 июля 1818 г.⁵

Политика российского правительства в отношении иностранцев, занимавшихся обучением и воспитанием детей, была весьма осторожной, особенно в связи с революционными событиями в Европе. Страх привнесения республиканских идей на российскую почву вынуждал властные структуры прибегать к ограничениям и строгой регламентации деятельности иностранцев на территории империи. Так, например, 3 июля 1831 г. министр внутренних дел А.А. Закревский сообщал смоленскому гражданскому губернатору Н.И. Хмельницкому о Высочайшем повелении «собрать сведения по всем спокойным губерниям, сколько живёт под разными воспитательными названиями иностранцев и иностранок у партикулярных людей. Во исполнении сей Высочайшей воли, поручаю Вашему превосходительству собрать немедленно по вверенной Вам губернии означенные сведения и об оных донести, для доклада его императорскому величеству»⁶. 8 июля 1831 г. министр напоминал губернатору о Высочайшем указе 12 июня 1831 г., в котором, в частности, предписывалось осуществлять «надзор за поведением и нравственностью иностранцев и иностранок, содержащих частные учебные заведения и обучающих юношество в сих заведениях или в домах частных; губернаторы при сём обязаны будут о доходящих до них касательно сих людей сведениях сообщать попечителям учебных округов, или, смотря по важности и обстоятельствам, и прямо Министерству народного просвещения, а родителей силою благонамеренных внушений убеждать к удалению из своих домов таких воспитателей, коих поведение или учение покажется им подозрительным». При этом особо подчёркивалось, что надзор «должен быть производим осторожно, без всякой огласки»⁷.

Контроль на местном уровне осуществлялся посредством выдачи в губернском правлении билетов на жительство сроком на один год, позволявших иностранцам находиться в пределах губернии. Если же документ был просрочен, ответственность в виде денежного штрафа нёс помещик, у которого проживал иностранец⁸. Власти также возлагали на дворян, предоставлявших иностранным учителям работу и кров, ответственность за их надлежащее поведение и нравственность. Уездные исправники ежемесячно предоставляли губернатору списки иностранцев, проживавших на территории уезда. Так, в ноябре 1840 г. в списках иностранцев, находившихся в Дорогобужском уезде, значились швейцарцы Жан Васерваль и Амалия Лидерф, обучавшие «малолетних господ Барышниковых» иностранным языкам, и указаны их билеты, выданные 30 июля 1840 г.⁹ В списке иностранцев, проживавших в сельце Жукове Смоленского уезда в январе 1841 г., числились две швейцарские уроженки: учительница му-

⁴ Там же, л. 52–52 об.

⁵ ГА РФ, ф. 1165, оп. 2, д. 87, л. 186 об.

⁶ ГА СО, ф. 1, оп. 1, д. 36, 1831 г., л. 793.

⁷ Там же, л. 794–794 об.

⁸ ПСЗ-П. Т. 8. Ч. 1. СПб., 1834. № 6483.

⁹ ГА СО, ф. 1, оп. 1, д. 22, 1840 г., л. 173.

зыки Генриетта Говард, имевшая билет на жительство до 24 августа 1841 г., и учительница из кантона Невшатель Юлия Боасье, билет которой был действителен до 20 февраля 1842 г.¹⁰

Наличие у иностранца годового билета и фактическое знание им различных наук ещё не позволяли ему законно заниматься педагогической деятельностью. Указы 12 июня 1831 г. «О людях, занимающихся содержанием частных учебных заведений и обучением юношества»¹¹, 25 марта 1834 г. «О восприятии принимать в должности по домашнему воспитанию иностранцев, не получивших аттестатов от русских университетов»¹², а также «Положение о домашних наставниках и учителях» 1 июля 1834 г.¹³ и «Дополнительные правила о домашних наставниках и учителях», утверждённые Министерством народного просвещения 2 августа 1834 г.¹⁴, предписывали иностранцам получать свидетельство на право преподавания, выдаваемое после проведения испытаний в губернской гимназии или университете. Так, проверяя полученный из Поречского земского суда список иностранцев, проживавших в Поречском уезде в мае 1846 г., Смоленский губернатор потребовал предоставить ему засвидетельствованную копию с документов, подтверждавших право на преподавание проживавшего в сельце Успенском швейцарца Карла Исаака Метроля – компаньона, занимавшегося «обучением детей» у помещика, штабс-капитана Александра Вонлярлярского (в списке был указан лишь паспорт, выданный 4 мая 1846 г.). Швейцарец представил свидетельство, выданное ему Московской губернской гимназией 29 апреля 1837 г., в котором указывалось, что К.И. Метроль, уроженец кантона Ваадт, протестант, прошёл «испытания для последующего первоначального обучения французскому языку в частных домах», показавшие, что «он Метроль читает и пишет на французском языке правильно» и может «беспрепятственно обучать в частных домах чтению и письму на французском языке»¹⁵.

В документах Сычёвского уезда за сентябрь–ноябрь 1846 г. и январь 1847 г. упоминается прибывшая в Россию в 1841 г. швейцарка учительница, девица 22 лет Мария Дюлпе, обучавшая детей княгини Урусовой на вполне законных основаниях, так как имела «свидетельство о науках» (т.е. прошла испытания в качестве учительницы)¹⁶. 26-летняя «швейцарская уроженка, смотрительница за детьми Мария Анна Вигнер», прибывшая из Твери в 1846 г., проживала в январе 1847 г. в Юхновском уезде у губернского секретаря Н.Ф. Воронца¹⁷ без подобного документа, поскольку «от дядек и мамок иностранных, употребляемых в частных домах для присмотра за физическим воспитанием детей», свидетельств о прохождении испытаний не требовалось¹⁸.

Примером плодотворной деятельности на ниве просвещения в Смоленской губ. служит работа учителя и гувернёра, подданного Швейцарии, католика Филиппа Антоновича Гау (Го; Gau), родившегося в Женеве 20 ноября 1792 г.¹⁹ и

¹⁰ Там же, д. 38, 1841 г., л. 57–57 об.

¹¹ ПСЗ-II. Дополнение ко второму Полному собранию законов Российской империи. Ч. 1. СПб., 1855. Дополнение к 6 т. № 4647а.

¹² Там же. Т. 9. Ч. 1. СПб., 1835. № 6928.

¹³ Там же. № 7240.

¹⁴ Солодянкина О.Ю. Иностранные гувернантки в России... С. 61.

¹⁵ ГА СО, ф. 1, оп. 1, д. 283, 1846 г., л. 61–63, 65; оп. 3, д. 785, 1847 г., л. 8.

¹⁶ Там же, оп. 1, д. 283, 1846 г., л. 50, 74; оп. 3, д. 785, 1847 г., л. 12 об., 34 об.

¹⁷ Там же, оп. 3, д. 785, 1847 г., л. 14 об.

¹⁸ ПСЗ-II. Дополнение... № 4647а.

¹⁹ ГА СО, ф. 45, оп. 1, д. 909, л. 10.

прибывшего в Россию в 1816 г.²⁰ 4 ноября 1837 г. он получил свидетельство о том, что прошёл испытания в Московском университете и «оказал познания в грамматических правилах французского языка хорошие, и сверх того, в присутствии испытателей, дал с успехом пробную лекцию по предмету французской грамматики. А потому дозволено ему Гау преподавать французский язык, на праве домашнего учителя, и исправлять его должность»²¹.

Обязательным условием пребывания иностранного учителя на территории Российской империи были удостоверявшие его благонадёжность аттестаты дворян и свидетельства предводителя дворянства, доставленные в дирекцию училищ²². Сохранились аттестаты смоленских дворян, подтверждающие, что Филипп Гау «вёл себя благопристойно и исполнял обязанность свою отлично хорошо», «с отличным рвением и старанием». Все пользовавшиеся его услугами свидетельствовали, что Филипп Гау «исправлял обязанности свои отлично», а своей «примерной нравственностью заслужил полное... уважение»²³. Являясь гувернёром и наставником, Гау, как указано в дворянских аттестатах, преподавал дворянским детям помимо французского языка, также географию, всеобщую и русскую историю. Основываясь на аттестатах и устных характеристиках «благородных особ», смоленский уездный предводитель дворянства выдал ряд положительных свидетельств о деятельности и поведении Гау (от 30 ноября 1849 г., 18 ноября 1855 г., 9 ноября 1856 г., 4 ноября 1857 г., 16 мая 1858 г., 13 октября 1860 г., 25 октября 1861 г., 25 октября 1862 г., 23 сентября 1863 г., 2 ноября 1864 г.²⁴).

В фонде дирекции училищ Смоленской губ. сохранились отчёты Ф. Гау о проводимых им занятиях. Например, с августа 1854 г. по ноябрь 1855 г. с детьми Самбекина, внуками майорши Коробановой, им были повторены: правила грамматики, грамматический и синтаксический разбор по французскому языку, всеобщая история и начало русской истории до XII столетия, география России, 4 правила арифметики, а также начато изучение географии Европы²⁵. В следующем годовом отчёте Гау (с 15 ноября 1855 г. по 15 ноября 1856 г.) было указано, что он занимался с теми же ученицами переводами с русского языка на французский и наоборот. Его подопечными была изучена история Средних веков и русская история до XIV столетия, «пройдена география Азии, Африки, Америки и Австралии, с черчением карт», а по арифметике – «вторая часть с умственным исчислением»²⁶. Сохранились данные и об обучении Гау сына коллежского секретаря Н.О. Попова Олимпия русской истории и французскому языку с 20 октября 1862 г. по 20 сентября 1863 г.²⁷ В семьях смоленских дворян Гау преподавал подолгу: у В. Мезенцевой – 5 лет, А.Н. Хитрово – 3 года, А. Коробановой – 9 лет, Л. Голынской, Ф. Квечинского и Н.А. Попова – по 2 года.

²⁰ Там же, ф. 1, оп. 2, д. 402, 1853 г., л. 14.

²¹ Там же, ф. 45, оп. 1, д. 909, л. 10. В копии документа сделана описка, вместо 1837 г. указан 1847 г. (см.: Там же, д. 1467, л. 1; д. 256, л. 1).

²² По вопросу о домашнем учении (о домашних наставниках и учителях, первоначальных учителях и учительницах) // Журнал Министерства народного просвещения. 1867. № 1–3. С. 138–139.

²³ ГА СО, ф. 45, оп. 1, д. 256, л. 1–3.

²⁴ Там же, л. 1–26; оп. 1, д. 2147, л. 56–57.

²⁵ Там же, д. 1635, л. 31.

²⁶ Там же, д. 1702, л. 37.

²⁷ Там же, д. 2147, л. 3 об.

Педагогическая деятельность и практический опыт Гау был замечен и оценён не только нанимавшими учителя помещиками, но и местной администрацией. В связи с увольнением одного из комнатных надзирателей благородного пансиона при смоленской гимназии на эту должность была предложена кандидатура Гау²⁸. 12 февраля 1850 г. попечитель Московского учебного округа дал на это разрешение²⁹. Гау выполнял обязанности «с примерным усердием и деятельностью», а потому дирекция училищ Смоленской губ. ходатайствовала об оплате причитающегося ему жалования и квартирных «со дня допущения к должности», т.е. с 15 октября 1849 г., на что также было получено разрешение³⁰. 1 июля 1851 г. Гау по собственному желанию оставил должность, о чём 12 июля дирекция училищ Смоленской губ. уведомила попечителя Московского учебного округа³¹. 12 октября 1851 г. Гау получил отличный аттестат о своей деятельности от исправлявшего должность директора училищ Лыкошина³².

В 1853 г. Гау принял присягу на подданство России. Свидетельство об этом было выдано ему Смоленским губернским правлением 18 августа 1853 г.³³, а уже 13 ноября Гау обратился к директору училищ Смоленской губ. с просьбой «об утверждении в службе по учебной части»³⁴. 19 марта 1854 г. попечитель Московского учебного округа уведомил исправлявшего должность директора училищ Смоленской губ. о разрешении Гау заниматься педагогической деятельностью³⁵. В мае 1855 г. Гау упоминается в связи с просьбой к дирекции училищ Смоленской губ. об отпуске и отъезде его в Тамбовскую губернию. Он указан в должности домашнего учителя, состоящего в XIV классе (коллежский регистратор)³⁶.

Известно, что Филипп Гау был женат на дочери старшего учителя Полоцкого дворянского училища, лютеранке Камилле-Иоганне-Софии Гофмейстер³⁷. Их бракосочетание состоялось в Смоленске в римско-католической приходской церкви 27 ноября 1847 г.³⁸ Камилла, став женой домашнего учителя, вскоре сама решила посвятить себя преподавательской деятельности. Она обратилась с просьбой в дирекцию училищ Смоленской губ. о разрешении открыть в Смоленске свой частный женский пансион³⁹, о чём дирекция 3 июля 1853 г. ходатайствовала перед попечителем Московского учебного округа: «По образу жизни и домашним обстоятельствам просительницы и по понятиям как г. Гау, так и жены его, можно с достоверностью предполагать, что предполагаемый пансион вполне соответствовать будет видам правительства; кроме же этого пансиона имеется в г. Смоленске ещё только один, содержимый г-жою Котович»⁴⁰. При ходатайстве были приложены все необходимые документы: копия с метрического свидетельства о рождении и крещении Камиллы-Иоганны-Софии

²⁸ Там же, д. 1172, л. 3.

²⁹ Там же, л. 11.

³⁰ Там же, л. 12–13.

³¹ Там же, л. 25.

³² Там же, л. 26.

³³ Там же, д. 1467, 1853 г., л. 1.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же, л. 3.

³⁶ Там же, д. 256, л. 2.

³⁷ Там же, ф. 1, оп. 2, д. 402, 1853 г., л. 14.

³⁸ Там же, ф. 45, оп. 1, д. 1467, 1853 г., л. 10.

³⁹ Там же, д. 1457, л. 1.

⁴⁰ Там же, л. 2–2 об.

Гау, свидетельства о конфирмации, бракосочетании, поведении, об испытании в науках и план предполагаемого к открытию пансиона.

29 июля 1853 г. попечитель Московского учебного округа ответил отказом, ссылаясь на то, что на основании изданного 12 января 1835 г. Положения о частных учебных заведениях (§ 3) и Свода законов о состояниях⁴¹, жена иностранца не может содержать частное учебное заведение. Попечитель нашёл нужным поставить на вид дирекции народных училищ Смоленской губ., что она «не имела права выдавать [Камилле] Гау свидетельства на преподавание русской литературы, французского и немецкого языков, истории и географии»: это право было только у попечителей учебных округов, а гимназии, согласно циркуляру министра народного просвещения 16 декабря 1834 г., могли выдавать свидетельства на право обучения арифметике, чтению и письму на русском и иностранных языках. Документы Камилле Гау были возвращены, кроме неправильно составленного свидетельства на право преподавания. Вместо него директор гимназии выдал ей свидетельство за прежними номером и числом (21 июня 1853 г.) на право «обучать в частных домах» арифметике, чтению и письму на французском и немецком языках, по которым знания госпожи Гау были оценены как «хорошие»⁴².

О серьёзности намерений Камиллы Гау свидетельствует составленный ею «План предполагаемого к открытию в г. Смоленске частного пансиона, для обучения детей женского пола»: «1. Пансион, открываемый мною для обучения девиц, по числу преподаваемых предметов не будет превышать 15. Отделений в нём полагается три. 2. Учебные предметы будут преподаваться следующие: Закон Божий, русский язык, арифметика, история, география, французский и немецкий языки, рисование, чистописание, рукоделие, музыка и танцы. 3. Для преподавания Закона Божия будет приглашён священник, французскому языку будет обучать муж мой, домашний учитель Филипп Гау, прочие предметы будут преподаваемы мною. В случае же увеличения числа воспитанниц более 10-ти, будут приглашены мною учителя гимназии. 4. Девушки, поступающие в заведение, будут состоять из полных пансионеров, с платою по 173 руб., и пансионеров по 100 руб. серебром в год. Число полных пансионеров назначается не более 5-ти, а полупансионеров – до 10-ти. Заведение будет помещаться в собственном моём доме. 5. Для преподавания предметов будут приняты в руководство книги и учебные пособия, одобренные только училищным Начальством». К плану прилагалось и расписание учебных занятий⁴³ (см. табл.)

Принятие Ф. Гау присяги на подданство России в августе 1853 г. снимало препятствия для открытия его женой частного пансиона, и 4 сентября 1853 г. последовало новое ходатайство дирекции училищ перед попечителем Московского учебного округа, в котором указывалось на принятие Ф. Гау российского подданства и отмечалась его 13-летняя деятельность в должности домашнего учителя и 2-летняя – надзирателем в благородном пансионе⁴⁴. 22 октября 1853 г. попечитель Московского учебного округа сообщил директору училищ Смоленской губ., что «товарищ министра народного просвещения от 15 сего октября, за № 8990, уведомил, что вследствие представления моего он согласен

⁴¹ Свод законов Российской империи. Т. IX. СПб., 1842. Ст. 1370.

⁴² ГА СО, ф. 45, оп. 1, д. 1457, л. 4–6.

⁴³ Там же, л. 7–7 об.

⁴⁴ Там же, л. 3.

	До полудни	По полудни
Понедельник	Закон Божий, французский язык	Русский язык, чистописание, рисование и рукоделие
Вторник	История, немецкий язык	Арифметика, музыка и танцы
Среда	Русский язык, география	Французский язык, немецкий язык и рукоделие
Четверток	Французский язык, арифметика	История, чистописание и рисование
Пятница	Закон Божий, немецкий язык	География, музыка и танцы
Суббота	Французский язык, русский язык	Не полагается

на дозволение жене домашнего учителя Софии Гау открыть в Смоленске частный пансион для девиц, по доставленному Вами плану»⁴⁵. 4 ноября 1853 г. госпожа Гау была уведовлена директором училищ Смоленской губ. о получении разрешения, причём в этом документе она уже именовалась на русский манер Анной Карловной⁴⁶.

Сообщая в «Смоленских губернских ведомостях» об открытии пансиона⁴⁷, Анна Го (Гау) указывала, что преподавание учебных предметов предполагается поручить учителям гимназии. Сами занятия должны были «происходить утром от 9-ти до 12-ти часов и после обеда от 2-х до 4-х часов». Деньги за обучение следовало вносить за полгода вперёд, при этом полные пансионеры предоставляли одновременно «на первоначальное обзаведение 25 руб. серебром. Воспитанницы в классах имеют на себе платья коричневого цвету, с чёрными передниками, по образцам, принятым в казённых заведениях»⁴⁸.

Последнее по времени упоминание супругов Гау в документах Смоленской дирекции училищ – это прошение «жены бывшего домашнего учителя, коллежского регистратора Филиппа Антоновича Го Анны Карловны Го» в апреле 1866 г. о выдаче документов, свидетельствующих о происхождении мужа и копии с формулярного списка о службе «в случае надобности по делам» в связи с отъездом на некоторое время из Смоленска⁴⁹.

Анализируя документы, отражающие деятельность швейцарских учителей и гувернёров в российской провинции, можно констатировать стремление российских властей контролировать деятельность иностранных наставников с точки зрения содержания образования (свидетельства о прохождении испытаний, отчёты учителей в дирекцию училищ) и оказания ими нравственного влияния на воспитанников (обязательные рапорты полиции, свидетельства нанимателей и предводителей дворянства). Местная администрация проявляла большую лояльность по отношению к образованным иностранцам, нежели столичные структуры. К середине XIX в. в деятельности российского правительства обозначилась тенденция способствовать принятию иностранными преподавателями российского подданства, что служило гарантией их благонадёжности.

⁴⁵ Там же, л. 8.

⁴⁶ Там же, л. 12.

⁴⁷ Смоленские губернские ведомости. 1853. № 48.

⁴⁸ ГА СО, ф. 1, оп. 2, д. 3, 1853 г., л. 1–1 об.

⁴⁹ Там же, ф. 45, оп. 1, д. 2270, 1866 г., л. 25.